

ВЯЧЕСЛАВ КУРИЦЫН

7 проз

ПАЛЬМИРА
RUGRAM

Санкт-Петербург / Москва

2022

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)
К93

Курицын В.

К93 7 проз : [Сборник] / Вячеслав Курицын. — СПб. ; М. : «RUGRAM_Пальмира», 2022. — 397 с. — (Серия «Пальмира — проза»).

ISBN 978-5-517-04672-7

Вячеслав Курицын до недавнего времени больше был известен как острый литературный критик, арт-критик и парадоксальный публицист. Настоящая книга представляет собой наиболее полное собрание малой прозы В. Курицына, вобравшей в себя опыт литературных новаций последнего десятилетия XX века.

УДК 82-32
ББК 84(2Рос-Рус)6

© Курицын В. Н., 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

ISBN 978-5-517-04672-7

1986 –1987

Инфантильная проза

Автор пробует перо, изрыгает романтический пафос, хвастается знакомством с умными словами типа «Гершвин» и «Бердсли» и изо всех сил старается говорить красиво.

БУДЕМ КЛАССИЧНЫ

Будем классичны. Приедем на дачу в дождь. На зеленой электричке.

С мокрой деревянной платформы, по лесенке, что ходуном, по тропинке, что меж блестящих развесистых лопухов, выйдем к низенькому штакетнику, перешагнем, чтобы не вырос больше, и окажемся в саду. Это наш сад. За корягами яблонь, там, впереди, узнаем дом. Это наш дом. Собственно, дача. Двадцать шагов, но грязи на сапоги понабираем и повозимся у крыльца, сталкивая ее в лужу занозистой щепкой. Оставим в прихожей плащ и рюкзак с вином-хлебом. Проскрипят фразу из Гершвина ступеньки, ведущие к чуланчику, где ждет, поближе к небу, одежда: черные кожаные сапожки и рубаха белая без пуговиц, с открытым воротом и манжетами на резинках.

В комнатах, ступая аккуратно, как хорошая кошка, отразимся в зеркалах, воспалим свечи, ибо свечи — это уж то, что определенно должно нынче гореть. Будем молоды.

Откроем дверь (в стекле створки мелькнет всполошная свеча), почувствуем под ладонями шершавость перил (колупнуть пластинку краски и за-

быть, и выронить), глянем в осенеющий сад (как вчера, как вчера, как вчера), на спуск, который, стоит верить, ведет, как когда-то, к реке. Пусть крикнет негромко какая-нибудь птица.

Наша рубаха все строже белеет на темнеющем фоне, нас начинает пробирать вечерний холод и неуютно катятся по спине последние дождинки, но мы потерпим, вытащим сигарету, тщетно попытаемся зажечь спичку на ветру, но отступим в комнаты, где и прикурим от свечи. Выкурим сигарету все же на веранде, стоически соблюдая свое бусидо, подумаем, что мог бы и войти в сад Ц. Ц., последний человек, знающий Чехова, быстро спрячемся в дом и дверь прикроем.

И снова поднимемся в чуланчик (фраза из Гершвина), и зажжем и выставим в окно фонарь.

Его свет метнется за реку, и его увидит Наталья, и охнет, но у нас есть еще время подготовиться к ее приходу. Мы успеем стереть пыль оттуда, где успеем заметить, успеем достать буженину и сыр, и нарезать хлеб, и отворить бутылки, но не накроем на стол, а оставим все в другой комнате, в перспективе. Мы развалимся в креслах, откроем книгу и углубимся в чтение.

А Наталья явится не сразу, потому что ей надо накормить детей или приготовить ужин, уложить их спать или поручить старшему младшего, отмыть руки и лицо от трудов земных, собраться, наконец, — Наталья не знает, когда мы приедем, да и сами мы этого не знаем, нет у нас периодичности, есть у нас ощущение, что периодичность дала бы новое качество, бог весть какое...

Она — Наталья. В ее имени не может быть легковесного городского «ш», что сопровождается би-

серным смехом и шуршанием гэдээровских колготок. Она накинёт ватник, повяжет тёплый платок, потому что ей нельзя простудиться, потому что у неё есть дети и нет оплачиваемого больничного — картошка и помидоры справкам не верят.

Она перебежит мостик, перешагнет штакетник и очутится в нашем саду. Но мы её не видим ещё, мы позже её заметим, когда будет она уже в трех шагах от двери, потому мы не успеем встретить её на пороге — ей теперь до него ближе, чем нам. Дверь не заперта, но Наталья постучит. Мы поздороваемся, и пройдем в комнаты, и сядем.

— Как у вас дела? — спросит она.

Мы горестно пошутим в ответ, скажем, что существенного ничего не происходит, снаружи во всяком случае, а что происходит внутри, о том рассказать трудно, да и, увы, некому... Что плывем по течению, аки лист в ручье, что стараемся вырваться, да мешают берега...

— Да, — вздохнет она, — в городе трудно.

И спросит вежливо, что мы читаем, и мы ответим, что Щ. Щ., последнего, может быть, человека, знающего, что такое литература.

— Что будет после? — спросим мы себя сами. — Теперь все вскользь, все по верхушкам, а тот, кто стремится к корням, почти наверняка заплутает в дубраве — сами себе так ответим.

Мы, наверное, не поэты и не музыканты. Впрочем, кто нас знает... Наталья думает, что мы пишем стихи, сочиняем музыку, и мы не хотим её разочаровывать, а ещё больше не хотим разочаровывать себя. Мы спросим: как мальчики?

Она расскажет что-нибудь о пацанах, что-нибудь незатейливое и смешное, но рассказывать она не приучена, а потому ее очень трудно дослушать до конца.

Мы оставим ей свежие журналы и уйдем, пообещав придумать что-нибудь пожевать. У нас все давно готово, и мы вернемся, глянем на страницу, что открыла Наталья, и расскажем анекдот о том, кто эту страницу написал; потом помянем несколько журнальных новинок, вспомним, что заглянули случайно днями в театр, присовокупив, что Ж. Ж. была хороша. Выпьем вина из жестяных кружек и станем читать стихи, Т. или П., а Наталья будет напряженно вслушиваться в строки, страстно желая понять. Мы небрежно оборвем чтение, имея в виду, что можем читать еще долго, почти вечно, будто и не выучили эти стихи специально к сегодняшнему вечеру, будто не повторяли их в электричке, поминутно заглядывая в шпаргалку.

Помолчим в полумраке, к чему Наталья, наверное, никогда не привыкнет, ей станет казаться, что воздух натянут, как полотнище, что он вот-вот затрещит и начнет расползаться. Мы же расслабимся и послушаем тишину, и потрескивание свечи, и поскрипывание невероятной в этом почти нежилом доме мыши. Будем классичны. Согрешим.

Ночью мы проводим Наталью. «Вам не холодно?» — спросит она у самых своих дверей, и мы ответим, что нет, не холодно. Двери скрипнут: она вернулась к огороду, стирке и рынку по воскресеньям, к печке, которая, конечно, надоедает, но которая так удачно расположена, что, чуть повернув голову,